

Загадывайте желание, герцогиня

Евгения Лантайн

Обычно обсуждение гениальной идеи, в ходе которого всплывает куча неприятных технических подробностей, из людей энтузиазм выбивает. Евгения же, напротив, после беседы с мастером Флетчером на какое-то время вспылала пуще прежнего, даже несмотря на обозначившиеся впереди масштабы мелких рутинных бесед. Видно, было в манере шотландца вести беседу и давать установку что-то такое, по-своему магнетическое, с действием, подобным гипнозу.

Сперва Лантайн даже хотела ломануться по монастырю в пеший обход, допрашивая всех встречных и поперечных и признавая об их дружбе с поэзией. Но, слегка поразмыслив и подостынув, отказалась от этой идеи - так весь язык стреплется, не напасешься, даже такая сильная и растренированная мышца от чрезмерной работы лохмотьями пойдёт, а про горло уж и говорить нечего. Поэтому пока девушка решила остановиться на менее энергоёмком варианте и написать объявление. Мол, пусть для начала заинтересовавшиеся поэты сами к ней приходят. А уже потом, если этих поэтов всё же окажется критически, катастрофически мало, можно будет и самой побегать, попрессовать народ - вдруг кто-нибудь ещё в своём таланте признается под правильным давлением.

Объявление, как показалось девушке, было написано хоть и несколько сумбурным, но в целом понятным языком. Во всяком случае, главную и самую важную мысль оно, по мнению Евгении, выражало достаточно чётко. Вот с тем, чтобы закрепить лист бумаги на доске объявлений, возникли немаленькие и очень неожиданные проблемы. С непривычки у Лантайн ничего не выходило. Кнопки валялись из рук и отказывались должным образом вбиваться в доску, ветер норовил выдернуть бумагу из пальцев и унести куда подальше - а Евгения, упрямо стиснув зубы, продолжала возиться со своей писаниной. И включать заднюю передачу не собиралась совершенно.

Франсуаза Д'Орнано

Франсуаза давно уже жизнью монастыря интересовалась едва-едва. И если когда-то франуженка была настолько в курсе всех новостей и сплетен, что даже бегала к воротам встречать новичков, только бы ничего и никого не пропустить, то теперь все новички сплошным неразборчивым потоком проходили мимо Азы. До того доходило, что девушка, увидев не вполне знакомое ей лицо, не могла даже хоть с какой-нибудь уверенностью сказать, видела она это лицо на территории монастыря раньше или человек только что из ворот, с пылу с жару.

Но, как бы сладко ни дремалось, бодрствовать все же лучше и естественнее. Поэтому в один прекрасный день непременно настает пора просыпаться.

Блондинку, возившуюся с листом бумаги возле доски объявлений, Франсуаза вроде бы раньше не видела. А может, просто не замечала - сейчас особенной разницы это не делало, все равно в случае чего предстояло знакомиться. А случай, кажется, весьма недвусмысленно напрашивался. Аза задумчиво посмотрела на нелепо трепыхающийся в руках блондинки листок, поняла, что такими темпами девушка рискует торчать на площади до вечера - и, подойдя к незнакомке, решительно

отобрала у нее кнопки: - Давай помогу. Держи лист. Прижимай его плотнее к доске, не бойся, она не сломается, - и Франсуаза принялась ловко вгонять в доску кнопки, прикалывая к доске принесенный девушкой, исписанный сверху донизу торопливым почерком лист.

Евгения Лантайн

Кривизну рук Лантайн и в самом деле демонстрировала поистине тревожную, рискуя в случае чего запросто на площади залипнуть не то что до вечера - до конца зимы. И снова выбраться в люди уже только по весне, как медведь из берлоги. Медведица. В общем, ковырялась Евгения так долго и неуклюже, словно рук у неё на самом деле было не две, а всего одна. Жалела, что не догадалась никого сманить с собой из столовой в качестве помощника и мечтала о том, чтобы этот самый помощник вдруг сам обо всём догадался, вылетел откуда-нибудь из-за угла подобно рыцарю на белом коне и помог крепить к доске злосчастное объявление.

Мечты явно кто-то подслушал - может быть, ангел-хранитель? - и решил их исполнить, но достаточно своеобразно. Помощь и в самом деле пришла, только вместо уверенного и низкого мужского голоса Лантайн услышала не менее уверенный, но звонкий и явно женский. А когда обернулась поблагодарить - никак не могла сказать, что перед ней рыцарь.

Только прекрасная леди, без вариантов.

- Спасибо тебе огромное! - восторгалась Лантайн, послушно высыпая кнопки в подставленную ладонь незнакомой девушки. Прижала лист бумаги к доске уже обеими ладонями, отметила, как жизнь сразу стала легче и радостней, и с улыбкой кивнула: - Честное слово, спасибо. Я не знаю, как бы я тут без тебя. Очень долго торчала бы, наверное. Спасибо. Меня Евгенией зовут. А тебя? По-моему, мы с тобой раньше не встречались. Если бы встречались, я бы запомнила. Ты очень красивая. Такие девушки не забываются, - зашебетала Лантайн, с ходу пытаясь завязать знакомство. Раз уж все равно плечом к плечу временно стоят, то почему бы и нет?

Франсуаза Д'Орнано

На две пары рабочих рук дело пошло ощутимо быстрее. Хотя и так удивительно, как блондинка ухитрялась в одиночку ковыряться настолько долго. Франсуазе казалось, что задача совершенно нехитрая: одной рукой прижимаешь угол листа к доске, другой рукой вгоняешь в него кнопку. И всё. И даже ветер (если только он не шквальный ураган) может пойти умыться с досады, потому что ничего особенно растрепать у него не выйдет.

Может быть, просто у некоторых людей это своеобразное хобби - выискивать трудности там, где они есть, и там, где, согласно общему мнению их быть не может?

- Всегда пожалуйста, - передернула плечами Франсуаза, не считавшая, что она совершила какой-то невероятный подвиг. Закончила крепить лист к доске, любопытствуя, зачерпнула объявление взглядом и, ткнув пальцем в рукописные строчки, заинтересовалась: - Ты что, никак журнал издавать собралась? Поэтов собираешь, ну надо же. Ты, стало быть, главный редактор? Отлично. Люблю активных людей. А у непозтов есть шанс попасть под твоё крыло? - спросила француженка, поймав себя на мысли, что любопытно было бы понаблюдать за развитием этой литературной идеи, причём желательно не с галерки, а заняв место

где-нибудь поближе. Например, из-под локтя самой Евгении - было бы идеально. Спohватившись, что ей вообще-то тоже задавали вопросы, Д'Орнано поспешила представиться в ответ: - Франсуаза. Рада знакомству. Ну так что скажете, капитан Евгения, есть у шансы попасть на ваш корабль обходными путями?

Евгения Лантайн

На комплименты её внешности Франсуаза никак не отреагировала, хотя Евгения отсыпала их вполне от чистого сердца, щедрою рукой. То ли брюнетка слышала подобные восхваления так часто, что уже воспринимала их как обыденное "добрый день" или "спокойной ночи", то ли просто конкретно сейчас ей подобные вежливые раскланивания и расшаркивания были не интересны. Судя по тому, как Франсуаза вцепилась взглядом в объявление, которое они с Евгенией на двоих только что прикрепили к доске, - скорее, второй вариант, сейчас собственная красота девушку не слишком-то интересовала.

Лантайн воспрянула было духом и успела уже расплыться в бодрой улыбке, посчитав, что первый поэт найден. Вот так, уже в самом начале пути, как же удачно все сложилось. Тут-то Франсуаза и огорошила блондинку заявлением о том, что стихов не пишет. Честно слово, это было обидно.

- Ну, я не то чтобы главный редактор, я, скорее, организатор, - протянула Лантайн, думая, как бы честнее все это сформулировать. - Пожалуй, даже так: я маленький пугливый поэт, который и хотел бы публиковаться, но очень боится делать это в гордом одиночестве, поэтому ищет себе компанию и думает, что в сочетании с чужими виршами постыдность его собственных почеркушек будет не так заметна. Ну, а если ты не пишешь стихов... - Евгения на пару мгновений призадумалась, выискивая подходящие должности, и тут же их нашла: - Вот как раз ты можешь быть, например, главным редактором. Ну, не совсем главным, а на пару с мастером Флетчером, я его попросила мою самодеятельность курировать и всячески направлять. Или, если у тебя красивый почерк, ты можешь быть оформителем. Газета планируется как большой плакат, который мы будем вешать... ну, примерно вот здесь и будем вешать, - Евгения несколько неопределенно обвела рукой доску объявлений. - Если ты сможешь такой плакат рисовать, это будет потрясно. Ну как, такие пути на корабль тебе подходят или мне поискать еще дорожку-другую?

Франсуаза Д'Орнано

- Больше организатор или больше поэт? - уточнила Франсуаза, невольно расплываясь в улыбке. Евгения в роли руководителя почему-то казалась француженке настолько милой, что представить ее себе грозным генералом или адмиралом было невыразимо сложно. Во всяком случае, фантазия Франсуазы в этом месте неизменно осекалась и начинала пробуксовывать, жалобно загибая лапками потоки образов. И не двигалась с места - все-таки с обликом грозной, сметающей все на своем пути фурии Евгения совмещалась очень и очень плохо.

Видимо, за грозную движущую силу в этом дуэте отвечал мастер Флетчер - поднапрягшись, Франсуаза его вспомнила. Высоченный, прямой как шпала мастер с вечной суровой складкой между бровей и с по-рыбьи равнодушными глазами за стеклами очков. Француженке порой казалось, что у него циркули вместо конечностей и унылый калькулятор вместо сердца. Как Евгения ухитрилась его такого втащить в столь трепетное и поэтическое мероприятие, было той еще загадкой. А с другой стороны, этот факт юную поэтессу характеризовал более чем

отлично - значит, деловая хватка у этого трепетного создания есть, своего она не упустит.

- Пишу, наверное, неплохо. В смысле, почерк сносный. Разборчивый и с претензиями на аристократические завитушки, - глубокомысленно сообщила Франсуаза, мысленно прикидывая, подходят те буквы, которые она пишет, для того, чтобы быть лицом местной поэтической газеты, или лучше себя не переоценивать. Решила - ладно, подойдут, не в Версале же выставляться. И кивнула Евгении: - А если окажется кривоват, я потренируюсь. Поучусь каллиграфии, например - знаешь, как она почерк выправляет? Крышесносно! Ты как, желаешь меня экзаменовать или поверишь на слово?

Евгения Лантайн

- Больше поэт, - хихикнув, призналась Евгения. Франсуаза нравилась ей все больше и больше, как будто Лантайн встретила сейчас на площади больше чем родственную душу - а самую что ни на есть всамделишную половинку своей души, утерянную когда-то давным-давно. Франсуаза ухитрялась понимать Евгению порой даже не то что с полуслова - с полувзгляда, легко и точно догадывалась о невысказанных словах, словно сама переживала всё то же самое. И это не могло не нравиться и не притягивать. - Я вообще, знаешь ли, все это затеяла и взвалила на себя для того только, чтобы хоть как-нибудь и хоть где-нибудь напечататься. Решила, что в толпе будет проще. В толпе нужно непременно! В одиночку мне будет слишком страшно. И стихи сейчас почитать, пожалуйста, не проси меня! Мне будет слишком стыдно, - всплеснула руками Евгения, заранее заливаясь паническим смущенным румянцем.

Её новая знакомая, однако, о своих творческих способностях тоже была специфического мнения. Лантайн мигом запуталась в её неуверенных суждениях, мечущихся между "хорошо" и "плохо", а под конец и вовсе обалдела от вывалившегося на неё предложения устроить экзаменацию. Евгения нервно икнула, представив себе, как они с Франсуазой сейчас будут прямо на площади, в пыли да на карачках чертить экзаменационную пропись, и отмахнулась с тоненьким, взволнованным смешком: - Ой, да брось ты это. Как я тебя сейчас экзаменую? Пальцем, что ли, ты мне иероглифы на земле писать будешь? Не надо таких крайностей, пожалуйста. Давай я всё-таки тебе на слово поверю. Значит, теперь ты наш оформитель, отныне и во веки веков? - радостно подпрыгнула было Лантайн, возликовав от того, как резво начал было укомплектовываться штат. Но тут же посерьезнела и пригорюнилась: - Осталось только материал набрать, чтобы тебе было что оформлять. Может ведь, и не получится ещё...

Франсуаза Д'Орнано

Доверчивость новой знакомой практически сшибала с ног - Франсуаза аж остолбенела, слушая это "поверю на слово". Хоть и сама, конечно, додумалась этот вариант предложить, но все-таки Д'Орнано не предполагала, что к ее предложению Евгения отнесется так легкомысленно, практически отмахнется. Это же не любительские какие поделки, а якобы на глобальность и общемонастырский размах претендующие. И тут вдруг - нате вам, оформителя подбирают на глазок. На слово, стало быть, верят. И разочаруются только когда станет уже непоправимо поздно. Во всяком случае, обычно именно так работает закон подлости в многочисленных кинофильмах.

- А что скажет мастер Флетчер? Тоже поверит мне на слово? - уточнила Франсуаза. Судя по тому, как девушка представляла себе этого мастера - неа, не поверит. Заставит четыре листа исписать кругом каллиграфическим почерком и будет цепляться к каждой завитушке. Не то чтобы это могло быть жутко - Аза уже переросла тот ученический возраст, когда любое упоминание слова "мастер" заставляло коленки нервно трястись - но такой экзамен будет как минимум неприятным. Как ни крутись, но все-таки мастер является своеобразным представителем власти в монастыре и имеет право раздавать не-мастерам начальственные пинки.

Отсюда напрашивался достаточно простой вывод: лучше было сделать все возможное для того, чтобы пройти проверку со своим почерком у Евгении. Это виделось Франсуазе более выполнимой задачей. Более легкой и более приятной. Поэтому Аза постаралась одарить свою новую подругу как можно более красноречивым взглядом. И с нажимом сообщила: - Знаешь, в этом плане даже я самой себе на слово не верю. Не хочешь возиться с писаниной сейчас - давай я вечерком напишу каллиграфически какой-нибудь текст и тебе потом занесу? Чтобы и тебе, и мне спокойней было. Маленькая, чисто формальная проверочка. А?

Евгения Лантайн

Евгения придерживалась мнения, что девушки обычно красиво пишут. Тем более - красивые девушки, словно не могут позволить себе испортить впечатление жалким дрожащим почерком бройлерного окорочка. Франсуаза, на субъективный взгляд Евгении, явно относилась к разряду девушек красивых. Соответственно, и почерк у нее должен был быть не абы какой, а с претензиями. Как раз такой, чтобы можно было довериться новой знакомой, не глядя. В этот момент Лантайн действительно оплошала и непозволительно расслабилась, позабыв про мастера Флетчера. И, наверное, очень зря позабыв.

- Нет. Мастер Флетчер, наверное, не поверит, - виновато вздохнула Лантайн. Если насчет поэтических талантов еще можно будет спорить, то уж кривизну (или наоборот, прямоту) написанных на бумаге букв шотландец оценить точно сможет. Это от восприятия литературы и от чувства прекрасного не зависит, здесь доказать обратное не выйдет.

- Ну хорошо. Действительно. Давай ты что-нибудь напишешь, скажем, стихотворение какое-нибудь, какое помнишь, и мне отдашь. А я посмотрю и оценю, - уступила Евгения. И тут же с улыбкой добавила: - Хотя мне кажется, что этот экзамен вряд ли что-то изменит. Не думаю, что ты его провалишь. Почему-то я тебе уже безоглядно доверяю. Но согласна, небольшая проверка лишней не будет. Ты этот лист занеси, когда тебе удобнее будет. Все равно у меня с пишущим составом пока все очень плохо. Хамский ноль в списке боевых товарищей, - Лантайн виновато пожала плечами. Мол, времени на подтянуть почерк - воз и маленькая тележка, команда все равно еще соберется нескоро.

Франсуаза Д'Орнано

Франсуаза одобрительно закивала, когда Евгения сменила легкомысленность на сосредоточенность и согласилась подумать о том, что решения относительно стенгазеты она принимает не в гордом одиночестве. Если бы блондинка продолжала вести это как самодеятельность, тогда действительно, можно было бы

лепить не глядя, как попало, отмахиваясь тем, что это чисто студенческие каляки-маляки для развлечения самих себя. Но раз уж Евгения успела обратиться за помощью к мастеру Флетчеру и тем самым впрягла над собой дополнительное звено - теперь уже относиться к мероприятию легко было нельзя. Требовалось сосредоточиться и пахать.

- Тогда уж я лучше не сегодня вечером, а завтра-послезавтра. Я ведь хочу предстать перед тобой в наилучшем свете, - улыбнулась Франсуаза. - Посижу, напишу как следует, выжму из себя лучший образец. Тем более, раз у тебя набор только начался - я так понимаю, что время у меня есть. Или... слушай, а может тебе как-нибудь помочь с поиском поэтов? - предложила Аза, уже практически загоревшаяся идеей газеты не хуже, чем сама Евгения. - Ну, не все же читают объявления на площади, некоторым это не интересно. А я могу походить, так просто людей поспрашивать. Думаю, у меня даже есть кое-кто на примете, - уверенно соврала Франсуаза. На примете, конечно, пока никого не было. Но Аза верила, что если как следует подумать, то наверняка кто-нибудь появится. В конце концов, можно же просто задавать людям вопрос, ориентируясь на общую поэтическую одухотворенность лица. Какой-никакой, а тоже способ вести работу над составом проекта.

Евгения Лантайн

- Когда тебе будет удобнее. Хоть через неделю. Времени у нас ещё действительно много, вагонами грузить можно, - легко уступила Евгения. Ей, в отличие от Франсуазы, по-прежнему не казался столь уж важным и принципиальным момент с красивым, каллиграфически-образцовым почерком. Но волшебный аргумент "а вот мастер Флетчер ка-а-ак спросит" подействовал безотказно. Евгения представляла себе, как её за неорганизованные выходы припечатает холодным и презрительным взглядом, и добросовестно ёжилась. Хороший аргумент, правильный. Пока ещё очень действенный. Как же здорово, что девушка с самого начала сообразила для себя этот аргумент создать, словами не описать просто.

- Если можешь кого-то поспрашивать, это замечательно, - Лантайн тут же вспыхнула энтузиазмом, увидев, что её затея не только не скукоживается печально, столкнувшись с реальностью, а и наоборот даже, вовсе набирает обороты и лихо вербует последователей. К тому же дополнительным поводом для радости было узнать, что другие поэты в монастыре - это не нечто гипотетическое и не плод радужных фантазий и надежд Лантайн, а вполне реальные люди, действительно существующие и творящие даже в тибетских горах. Не желая отпускать бычка информации на вольный выпас, Евгения посчитала возможным сразу же взять его за рога. И спросила, плотно цепляясь к словам Франсуазы: - А кто именно есть у тебя на примете? Много народу? Может, получится сразу из них сколотить основной костяк стенгазеты? Объявление, конечно, все равно пускай висит, оно вещь нужная. Но, может, ты сумеешь его с лихвой заменить?

Франсуаза Д'Орнано

Такого прямого вопроса Франсуаза позорным образом не предвидела. Она-то вбросила фразочку о том, что уже кого-то для себя наметила, исключительно для повышения ощущения своей важности и у себя самой, и у собеседницы. И никак не предполагала, что в эти мимоходом оброненные слова Евгения вцепится, словно клещ, вытягивая информацию. Аза слегка замешкалась было с ответом, подбирая

наиболее обтекаемые ответы, которые не выдали бы тут же ее пустоголовость - но тут же сообразила, что как раз этой паузой она саму себя и выдает с потрохами. Пришлось отвечать первым, что успело созреть и оформиться внутри бестолковой головы. И надеяться, что это исправление не запоздало и Евгения пока еще ничего не заметила.

- Нет, склотить из них, как ты выражаешься, "основной костяк" никак не получится. Их для этого слишком мало, - уверенно помотала головой Франсуаза, продолжая на ходу торопливо соображать, чье бы имя можно было назвать, чтобы и не наврать при этом, и никому неудобств не причинить. - Но пару человек я знаю и подойти к ним вполне могу. Вот, например, мастер Рейс стихи раньше точно писал, я могу его спросить. Но сомневаюсь, что он на эту радость согласится. У него и без нас - ученики и трое детей, куда ему еще нашу самодеятельность-то разгребать, - вздохнула Аза. Если бы мастера Рейса действительно можно было привлечь к процессу, это бы все значительно упростило. Принесло бы столько тепла, что на целую армию поэтов хватило бы. Во всяком случае, Франсуаза помнила португальца именно таким - улыбчивым и удивительно теплым человеком. Хотя вполне может статься, что со времени их последней встречи многое изменилось, и сейчас уже все не то и не так.

Евгения Лантайн

Франсуаза замешкалась с ответом так, словно размышляла, стоит ли отдавать ее знакомых Евгении на съедение. И это заставило Лантайн, в свою очередь, начать размышлять над тем, как окружающие воспринимают ее с этой поэтической идеей наперевес. Хорошо, если всего-навсего как трогательную энтузиастку. А ну как блондинка для них больше похожа на безумного фанатика с пылающими адским огнем глазами? Честное слово, повод впасть в глубокую задумчивость. И, возможно, повод впредь бросаться на людей с меньшим рвением. А то еще всех потенциальных волонтеров распугает, чего доброго.

- Судя по твоему описанию - мастеру Рейсу действительно будет не до нас, ему и так есть чем заняться. Ни к чему еще и нашу газетенку ему на шею вешать, - вынужденно признала Евгения. И впрямь, когда в наличии есть трое детей и необозримое количество учеников, стихи там приткнуться совершенно некуда. Евгения окинула Франсуазу задумчивым взглядом, прикидывая, стоит ли и дальше давить из нее имена потенциальных поэтов, и решила - не стоит. Тем более, если там все имена такие, ни разу не потенциальные, то тем более нечего на это обсуждение время тратить. Пускай сама разбирается. Лантайн легкомысленно разрешила: - Ладно. Тогда, наверное, лучше ты сама решишь, кого из них и о чем стоит спрашивать, я в это лезть не буду. Скажи мне пока лучше вот что: где тебя найти, если ты вдруг чертовски срочно мне понадобится?

Надо же, в конце концов, наладить связь, и желательно попрочнее. Чтобы не сидеть потом в информационном вакууме и не хлопать развесистыми ушами.

Франсуаза Д'Орнано

Замешкалась с ответом Франсуаза исключительно потому, что размышляла, как бы ей ловчее, не уронив лица, выйти из ситуации, в которую ее завел непомерно длинный и болтливый язык. Исполненный энтузиазма напор Евгении тут был абсолютно не при чем. Но судя по тому, как блондинка задумалась - именно эта неприятная мысль ей в голову и пришла, что своим вдохновенным рвением она

пугает собеседницу. Разубеждать ее в этом Франсуаза не стала - пусть так и думает. Пускай немного смягчится и поумерит пыл, так только лучше будет сейчас. И вполне всамделишно поможет, когда придется общаться с кем-нибудь, кого действительно легко спугнуть, если неосмотрительно насесть на человека.

- Не беспокойся. Со всеми подходящими людьми, которых знаю, я поговорю, - пообещала Франсуаза, коварно умалчивая о том, что почти никого она не знает, так что ей придется рыть вторую траншею и проводить собственные раскопки, отдельно и втайне от Евгении. - А найти меня не очень сложно, примерно как всех. В жилом корпусе для обитателей у меня комната - вот только, как и у всех, без опознавательного знака, - задумалась француженка. С этой стороны девушка о своей комнате как-то никогда не размышляла. Всегда, когда требовалось найтись, она обычно находилась без особых проблем, никому до сих пор точного указания как-то не требовалось. Поэтому четкой инструкции в духе GPS-навигатора у Франсуазы даже примерно заготовлено не было. А сейчас пытаться что-то срочно объяснять на пальцах - занятие вполне себе неблагодарное. В общем, да, тут думать надо.

Евгения Лантайн

Евгения своё согласие с тем, что сориентироваться в жилых корпусах невозможно ни сходу, ни опосля, выразила тяжелым вздохом. И впрямь, ни табличек, ни номеров, ни вообще каких-либо опознавательных знаков на дверях не предусматривалось. В результате Лантайн до сих пор не вполне точно знала, какая именно из комнат теперь её. И неизменно не угадывала с первого раза, пытаясь с разбегу влететь к соседям. Первое время казалось, что это такой прикольный способ знакомства, потом надоело до невозможности, потому что уже хотелось с размаху падать лицом сразу в свою подушку, а не ощупывать сперва чужие.

- Поняла. Если ты мне понадобишься, я пойду перебирать стуком все двери подряд в старшем корпусе. Буду выбивать морзянкой сигнал S.O.S., пока где-нибудь тебя не обрету, - уныло подвела итог Евгения. Представить себе такую перспективу в самых безрадостных красках у Лантайн получилось за считанные секунды. Если особенно не повезёт, то после такого похода же никакого кулака не останется. Одни сплошные ссадины и синяки будут вместо костяшек, и только. Представив такую перспективу, Евгения вздохнула ещё тяжелее, уже не как больная, а как умирающая лошадь. И, находя, что деловая беседа как-то сама собой потихоньку закончилась, а на дружескую замахиваться ещё рано, на прощание протянула Франсуазе ладонь: - Что ж, тогда до ближайшего сеанса связи. Надеюсь, у меня всё-таки получится, если что, найти тебя без особых трудностей. Будь здорова.
